

ПСИХОПАТЫ ЛИ БЕСПРИЗОРНЫЕ?

(Вместо предисловия).

Вопрос о детской беспризорности был для буржуазии ничтожным филантропическим вопросом. „Добросердечные“, упитанные буржуазные дамы, во имя своего развлечения, бесплодно старались маленькими попеченьями разрешить эту огромную социальную проблему. Для рабоче-крестьянской же общественности серьезность вопроса о беспризорности, конечно, вполне ясна. Борьба с беспризорностью — это освобождение трудового государства от неминуемых, — в дальнейших условиях беспризорности, — изуродованных, дезорганизованных, развращенных граждан. Борьба с беспризорностью — это борьба с детской преступностью, детскими душевными потрясениями. Борьба с беспризорностью — предотвращение заражения здоровых детей, детей нормальной школы, нормальных детских учреждений, — теми вредными влияниями, которые просачиваются к ним с улицы — от бездомной, беспризорной детворы. Только в таком широком масштабе и может советское государство разрешить проблему беспризорности. Огромную, трагическую важность вопроса нельзя ни от чего скрывать.

Конечно, беспризорность не является проблемой какой-то самодовлеющей детской преступности или самодовлеющей детской психопатии; для нас, марксистов, это — на первом плане глубоко-социальная проблема. Беспризорными дети делаются не потому, что они скверны, не потому, что они не хотят быть призреваемыми, а лишь вследствие отсутствия тех нормальных социальных условий, нормального общественного или семейного призрения, которые необходимы для того, чтобы дети оказались в организованных воспитательных рамках. Поэтому все те „детские страхи“, „преступные свойства“, срывы настроений, которые в огромном количестве замечаются в беспризорной детворе, не представляют собой чего-то врожденного в беспризорных детях, а лишь являются порождением дезорганизующих условий, окружающих ребенка; ⁹⁹/100 всех детских психопатий, всех детских „странностей“, детской „преступности“ представляют собой лишь временную общественную непри приспособленность ребенка, создавшуюся благодаря отсутствию организующей обстановки — класса, семьи, школы, — обстановки, как она ни плоха; все же кое в чем влияющей благоприятно. Дети отрываются от общества, от семьи, оказываются непри приспособленными и вливаются в кадры „детей-преступников“, „странных“ детей, детей „психопатов“. В основе же своей, беспризорные дети — все до единого выходцы из нуждающихся, трудовых, пролетарских слоев, представляют коренными чертами своего характера, своей индивидуальности чрезвычайно здо-

ровое содержание. Это — пролетарские дети, вследствие пущды очень рано познавшие реальную жизнь, ставшие воистину, а не на словах, реалистами. Таким детям не свойственна фантастика, дряблость волп, столь характеризующая собой промежуточные и, в особенности, господствующие в буржуазном обществе слои. Такой ребенок, предоставленный самому себе, приспособляющийся к жизненным условиям силами своего собственного ума, своих собственных мускулов, не может пассивно ожидать, пока его накормят, пока с ним будут играть. Он обнаруживает подчас большую боевую активность во всех моментах своей уличной борьбы за жизнь: он не станет углубляться „внутрь себя“, заниматься самосмакованием, как это продельвает его сверстник из обеспеченных слоев. Он очень рано оказывается социально чутким, ищет товарищей, создает вместе с ними особые боевые группки — „банды“, связанные своеобразной этикой, быть может, непонятной и чуждой нам этикой, но, во всяком случае, этикой, больше похожей на коллективистическую, товарищескую этику, чем „нормальная“ нравственность себялюбивого ребенка буржуазных слоев. Беспризорный ребенок увертлив, смел, обладает богатой деловой фантазией; любит приключения, ибо в этом и заключается стихия его беспризорной жизни. Беспризорный ребенок, как видим, в основе своего существа содержит чрезвычайно ценные элементы, но, благодаря неорганизованности обстановки, в которой он обретаеся, подобные элементы выявляются в грубых, извращенных формах, безжалостно прикрывающих собой здоровую основу.

Вот почему, когда мы извне, поверхностно подходим к беспризорной детской массе, получается впечатление глубоко-грубых нервно-психических, нравственных, половых и пр. „извращений“.

В самом деле, почему „уловленных“ на улице беспризорных не включали прежде в организованные здоровые детские учреждения, а прятали, по преимуществу, в такие заведения, которые больше похожи на тюремные приюты, чем на дома воспитания? Потому что, подходя снаружи, наблюдая поверхностно эту „испорченную“ беспризорную детвору, окружающие действительно видели пугающие их черты: „разнузданное“, неорганизованное внимание детей; как в крупном, так и в малом прорывающиеся „преступные“ их наклонности: слишком рано развившуюся „грубую“, а подчас извращенную половую жизнь; резкое ослабление или же даже „глубочайшее извращение“ нравственных представлений; развитие хищничества, всяческого эгоизма, резкие проявления буйства и т. д. и т. д. Поневоле, — не понимая, в чем дело, не зная, как к подобным детям подойти, в чем заключается причина подобных ненормальностей, их и прятали в тюремные приюты.

На самом же деле, суть здесь не в скверной внутренней природе ребенка. Мы должны для подобных детей найти совершенно иной подход. „Отсутствие внимания“, „дезорганизованное внимание“ подобного ребенка, которое и дает непонимающим право наклеивать на ребенка ярлык психопата, в 99% случаев есть ни что иное, как скрытое от нашего глаза, вполне организованное, чрезвычайно на

пращенное детское внимание, полное острого и глубокого детского творчества, но творчества своего, своеобразного, воспитанного улицей, — творчества, оторванного от обычных наших взрослых („нормальных“) интересов. Вот почему мы этого детского внимания не поняли, считаем ребенка „невнимательным“, „психопатом“. „Преступные наклонности“ ребенка — это либо порождение острой, безысходной материальной нужды, когда „или вору, или галбли, другого выхода нет“, либо же эти преступные стремления есть замена фантастических, приключенческих влечений ребенка, получающих такое преступное оформление лишь потому, что на улице творческие указания для своих боевых фантазий ребенок, конечно, найти не может. „Половая разнузданность“ подобных детей не есть порождение какой-то глубокой внутренней гнили. Она представляет собой лишь неправильное использование всей детской энергии, всех проявлений детской активности, которые, не получив должного творческого русла, обращаются внутрь детского организма, повышая его чувственную возбудимость, в том числе и возбудимость половую. Если перевести эту возбудимость на творческие рельсы, если дать возможность всей сумме сложных боевых влечений ребенка выразиться во внешней среде, подобного полового перевозбуждения он не получит. Это элементарный физиологический закон. Эгоизм, „безиравствственность“ подобного беспризорного ребенка („моральная дефективность“) такого же происхождения: беспризорный — это пастороженный, одинокий зверек, который должен один, самостоятельно, без

какой бы то ни было помощи взрослых, отчаяннейшим образом, во враждебной атмосфере, бороться за свое существование; либо же, если эта борьба происходит совместно с группой других, — таких же, как он, детей, связанных кровными узами все той же страшной беспризорности, подобные группы объединяются своей этикой, своими нравственными правилами, устойчивыми, яркими, сильными — настолько, что им во многом следовало бы подражать и нам, представителям так называемой здоровой нравственности. Но мы их не понимаем, — и наклеиваем этикетку „моральной дефективности“.

Все эти „психопатические свойства“ беспризорных детей, как мы видим, не заложены в их природе, в их организме; они созданы окружающей их, дезорганизующей социальной средой, скрывая под собой в подавляющем большинстве случаев чрезвычайно здоровое творческое ядро, и могут быть устранены полностью, при радикальных воспитывающих мероприятиях.

Неискоренимых психопатов детей мы можем наблюдать вовсе не в этой беспризорной, пролетарской, социально здоровой среде, а лишь в паразитических общественных слоях, в которых слишком много избытка, а потому и слишком много лишних возбуждений, питающих извращения. Подобные же неискоренимые психопатии мы можем наблюдать в общественном строе, при котором трудовая масса угнетается ничтожной эксплуататорской кучкой, благодаря чему создается безвыходное положение и переход всей ущемленной, сдвинутой энергии на психопатические рельсы. У нас же, в рабоче-крестьянском государстве, этих паразитических

обстоятельств мы не имеем. Общественная жизнь СССР, растущее наше хозяйство, вливающиеся в наше строительство все новые и новые трудовые, творческие силы открывают неограниченный простор для всех творческих возможностей, и поэтому детских психопатий в нашем Союзе не должно быть. Мы их в силах искоренить, мы их искоренить обязаны.

Если допустить такую роскошь, как массовая детская беспризорность, то в нашу, далеко еще не устроившуюся общественную жизнь постепенно просочились бы начала анархии и прочий материал для внутренних брожений, фашистских устремлений, уголовных преступлений и пр., с которыми в дальнейшем справиться было бы далеко не так легко. „Детские психопатии“ беспризорности, представляющие собой в СССР устранимую детскую социальную неприспособленность, — беспризорные „детские психопатии“, содержащие в своей глубине колоссальные творческие богатства, могут быть нами с чрезвычайным успехом использованы, если мы вовлечем их в русло нормального общественного строительства. Если же мы их будем игнорировать, они в дальнейшем окажутся источниками колоссальных, вреднейших ударов по нашим творческим мероприятиям.

О том, как бороться с психопатиями беспризорной детворы, говорилось в печати и на съездах достаточно много. За исключением ничтожного количества детей действительно биологически внутренне выродившихся (биодегенерация), которым место в специальных лечебных заведениях, вся остальная масса должна быть включена в обычную обстановку здорового, полезного,

интересного, воспитывающего труда, должна быть тесно связана с здоровым общественным и детским бытом. Эта детвора должна воспитываться в атмосфере естественных, организующих детских интересов, должна тесно слиться с ячейками пионеров и прочими здоровыми классовыми детскими организациями. Та же часть этой детворы, которая пока, вследствие слишком тяжелого нервно-психического своего состояния, еще не имеет возможности включиться в особые детские учреждения и должна временно оставаться, впредь до окончания своей выправки, в специальных заведениях, требует по своему составу радикальнейшей реорганизации этих затхлых специальных учреждений, которых, в подавляющем большинстве, так до сих пор и не коснулся революционный воздух. Необходимо освежить постановку дела в этих учреждениях, привить начала коллективистической, организованной политической активности, — обновить персонал этих учреждений, включить в него энтузиастическую молодежь из новых наших педагогических учебных заведений; связать их с советскими общественными организациями, комсомольскими ячейками, профсоюзами, женотделами и т. д. и т. д.

Надо помнить одно: наши беспризорные дети — это дети Советской Республики. „Психопатии“ беспризорных детей — один из глубоких психопатических источников, опасных для всей нервно-психической атмосферы нашей Республики. Бороться с детскими ненормальностями, вырастающими в условиях беспризорности, значит, бороться за сохранение нервно-психического здоровья Союза Советских Республик.

А. Б. Залкинд.

„Диалектика рассматривает вещи и отражает их понятия преимущественно в их общей связи, в их сплетениях, в движении, в их возникновении и исчезновении“.

Ф. Энгельс. „Анти-Дюринг“

В В Е Д Е Н И Е.

В эпохи революций, т.-е. ломки прежних экономических отношений, политических и правовых норм совершается огромный сдвиг основных слоев жизни. Вместе идет ломка и общественных прослоек, связанных тысячами нитей и со стержнями общества и с основными слоями, ими определяемыми и от них зависящими. Эта ломка, эти изменения идут, однако, не в одном темпе. Одни прослойки захватываются размахом революции раньше, другие позже, одни в большей, другие в меньшей степени. Отсюда сложность и пестрота изломов, сложность и пестрота жизненных группировок и отношений.

Это не прежний ровный пласт, не прежняя текшая по сравнительно ровному руслу жизнь, к которой привык в равной мере и рядовой обыватель, и созидатель нашего времени — сознательный рабочий, и интеллигент-пролетарий, научный исследователь, чьи взоры проникают глубже обычных в гущу жизни. Это взрыв, излом. Иной раз он кажется уродливым. При этом забывается, что эпоха революции полна таких изломов

прежней жизненной напластовки, что в этом ее своеобразие, ее творчество.

Современник революции, средний рядовой участник ее — не в равной мере переоценивает прежние ценности. В поле его зрения часто не попадают целые области жизни, в которые бы нужно направить и взор и активные силы революционера. В отношении ко многим вопросам умы целиком еще во власти неизжитых традиций, определяющих линию поведения в тех жизнью поставленных случаях, когда приходится оценивать и, в зависимости от этого, так или иначе активно проявляться.

То же происходит и в области научного исследования. В период революции марксистским анализом не в равной мере освещены области научной мысли, не в равной степени оценены те или иные группы фактов.

Постепенность распространения марксистского анализа определяется в конечном счете степенью значимости данной отрасли, области и группы вопросов для революционной борьбы. Естественно, что поэтому в первую очередь идут вопросы экономики, хозяйства, техники.

По мере утери в революционной борьбе ее крайней остроты, выдвигаются отрасли жизни, необходимые для созидательной творческой работы революции. Одни выступают на первый план раньше, почти в самом начале борьбы, другие несколько позже.

Осознание их значения современниками не всегда пропорционально их удельному революционному весу